

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 811.11

Е.А. МОРДВИНКИНА

(elena.mordvinkina@mail.ru)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ПОВЕСТИ И.А. БУНИНА «ДЕРЕВНЯ»*

Анализируются художественные особенности изображения русского свадебного обряда в повести И. А. Бунина «Деревня». Особое внимание уделяется его сопоставлению с традиционным народным свадебным обрядом, выявлению сходства и различий.

Ключевые слова: И. А. Бунин, фольклор, обряд, свадебный обряд.

Повесть «Деревня» отличается от других произведений И.А. Бунина своим ярким фольклорным наполнением. В прозе писателя встречаются многочисленные фольклорные жанры: заговоры, обрядовые, календарные и свадебные песни, пословицы и загадки, причеты, былины и сказки, лирические, колыбельные, исторические песни, мещанский романс, духовные стихи и частушки, приметы и детский фольклор. При этом практически всегда «достоверность бунинского текста подтверждается печатным, или, – что еще более ценно, – архивным источником» [8, с. 140]. Несмотря на активную работу Бунина с фольклором, фольклорная тема широко входит в его произведения лишь во второй период творчества писателя, а именно в 1903 г. [3, с. 135]. С данной темой в первую очередь сочетается деревенская проза Бунина.

Итогом писательского опыта, рожденного его знанием русской деревни и народной культуры, является повесть «Деревня». «Функция фольклора целиком подчинена здесь задаче изображения России, ее народа и его судьбы, и потому именно в этом произведении, резко рисовавшем русскую душу, глубокое проникновение Бунина в народное творчество проявилось с особой силой» [7, с. 146].

Повесть «Деревня» была опубликована в 1910 г. в журнале «Современный мир». Книгу хвалили и ругали, но сути ее понять не могли. Сам автор пишет об этом М. Горькому: «И хвалы и хулы показались так бездарны и плоски, что хоть плачь» (цит. по: [2, с. 382]). Вызвавшая множество споров и различных отзывов, она до сих пор продолжает привлекать к себе внимание исследователей. По мнению М.Ю. Фиша причиной этого является отражение в повести бунинской концепции русского человека: «В “Деревне” писатель необыкновенно точно изображает народную жизнь, стремясь приблизиться к пониманию “загадочной русской души”. Эта повесть принадлежит к числу узловых произведений русской литературы, которые остро ставят вопрос о национальной самоидентификации, заставляют задуматься не только о том, что есть русский национальный характер, но и о возможных путях развития России» [10, с. 141]. Размышляя о понимании писателем специфики национального характера, Л. Смирнова приходит к выводу о том, что Бунин видел в душе русского человека «переплетение своей воли и пассивности» [9, с. 71].

Место и время действия повести – деревня Дурновка и уездный город в бурную эпоху первой русской революции и последовавшей за ней реакции. Л. Крутикова отмечает, что временные и пространственные рамки произведения постоянно расширяются: «Другие деревни, города, усадьбы, станции, полустанки <...> слухи, споры, разговоры в трактирах, лавках, поездках, на базарах, постоянных дворах, на

* Работа выполнена под руководством Гольденберга А.Х., доктора филологических наук, профессора кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета..

сходках, на праздниках <...> Мы узнаем, что свершается на Руси-столичной, деревенской, уездной» [6, с. 7]. Название повести указывает на стремление писателя создать обобщенную картину крестьянской жизни России. Задаче изобразить жизнь и судьбу народа целиком подчинена здесь функция фольклора, недаром М. Горький в одном из своих писем Бунину отметил предельно насыщенный фольклорно-этнографический колорит «Деревни»: «Если надобно говорить о недостатке повести – о недостатке, ибо я вижу лишь один, – недостаток этот – густо! Не краски густы, нет, – материала много. В каждой фразе стиснуто три, четыре предмета, каждая страница – музей! Перегружено знанием быта, порою – этнографично, местно» (цит. по: [2, с. 367]).

Значительное место в повести занимает описание обрядов: «Безупречно описаны у Бунина народные обряды», – пишет Э.В. Померанцева [8, с. 140]. В «Деревне» с этнографической точностью изображен, например, древний обряд опахивания: *ни единого огня не было в деревне, а мимо избы Ильи шли, белея в темноте рубахами, «девять девок, девять баб, десятая удова», все босые, простоволосые, с метлами, дубинами, вилами, и стоял оглушительный звон и стук в заслонки, в сковороды, покрываемый дикой хоровой песнью: вдова тащила соху, рядом с ней шла девка с большой иконой, а прочие звонили, стучали и, когда вдова низким голосом выводила: // Ты, коровья смерть, // Не ходи в наше село! – // хор, на погребальный лад, протяжно вторил: // Мы опахиваем – // и, тоскуя, резкими горловыми голосами подхватывал: // Со ладаном, со крестом* [1, с. 352]. В специальной этнографической литературе и архивах исследователей существует множество описаний этого обряда, совершавшегося во время моровой язвы; некоторые из них довольно близки бунинскому тексту. Однако известный фольклорист Э.В. Померанцева утверждает, что «Бунин шел здесь не от книг, а описывал виденное им в юности и воспроизвел текст песни, запомнившейся ему во всей ее зловещей, мрачной архаичности. Об этом свидетельствуют публикуемые в настоящей книге воспоминания брата писателя, описавшего, как совершался этот обряд в Озерках, причем текст песни, приведенный им, почти точно совпадает с бунинским текстом» [8, с. 140].

Упоминается в повести и обряд похорон, в ходе которого жена усопшего или близкий родственник «должны были плакать и причитывать» [5, с. 625]. Он описан в соответствии с народной традицией: «Молодая голосила, провожая гроб, так искренно, что была даже неприлична, ведь эта голосьба должна быть не выражением чувств, а исполнением обряда» (305). Однако центральное место в изображении народного быта занимает в повести описание свадебного обряда. Ему посвящена специальная статья М.Ю. Фиша, чьи наблюдения мы постараемся не только учесть, но и расширить.

Традиционный народный свадебный обряд имел строгую композицию и включал в себя различные ритуальные действия. В изображении свадьбы в «Деревне» можно выделить основные этапы, характерные для данного обряда: сватовство, сговор, девичник, благословение, отъезд в церковь, венчание. Но у Бунина описание свадьбы обрывается по дороге из церкви. Отсутствует важнейшая, самая веселая часть обряда – свадебный пир.

Немало здесь и других несоответствий традиционному свадебному обряду. Русская свадьба всегда сопровождалась различными плачами, которые выражали печаль родителей невесты и ее самой из-за того, что пришло время покинуть отчий дом. Свадьба в «Деревне» выглядит еще печальнее: на всех ее этапах ощущается приближение катастрофы, а само венчание больше напоминает похороны. Необычно ведет себя дружка (главное деятельное лицо на свадьбе), который обязан веселить народ, быть приветливым, а также знать все свадебные обычаи и следить за их исполнением: «дружке (шаферу) эти обычаи должны быть известны, как свои пять пальцев; он должен быть и знаток в обычаях, и песенник, и весельчак, и плясун, вообще ловок, смышлен, а также и недурен собою и в обращении» [5, с. 144]. В повести он исполняет свои обязанности формально и ведет себя грубо: *Васька, дружка в красной рубахе, в романовском полушубке нараспашку, войдя, строго покосился на игриц. – Будя драть-то! – грубо сказал он и прибавил то, что полагалось, по обряду: – Вылязайте, вылязайте* [1, с. 385]. По мнению М.Ю. Фиша, эти нарушения обрядового поведения на свадьбе определяются

фигурой ее организатора: «Организатором свадьбы в произведении выступает Тихон Ильич, который видит в ней особый для себя смысл» [10, с. 142]. Действительно, герой организует свадьбу не собственных детей, которых у него не было, а чужих, прикрывая тем самым свои собственные промахи. И читателю становится понятно, почему свадьба молодых лишается настоящего торжества, и, как следствие, отходит от традиций.

Несоответствие традиционному обряду ярко проявляется в сцене сватовства. Во-первых, инициаторами сватовства должны выступать родители жениха, которые выбирали сыну невесту и посылали к ней в дом сватов. Сами же они в обряде не участвовали. В «Деревне» сватом выступает Серый, отец жениха. Он, правда, стремится соблюсти необходимые ритуалы: войдя в дом долго крестится в *темный угол*, говорит *необычайно-развязным и ладным тоном* [1, с. 349], как и следует по роли свата. Во-вторых, вместе с отцом на сватовстве появляется и сам жених, но отсутствуют другие родственники с обеих сторон. Данный этап свадьбы сокращается до нескольких реплик. Серый произносит речь свата: *Сват, не сват, а добрый человек! <...> Тебе нареченную дочь отдавать, мне сына женить. По добром согласию, давай речь промеж себе держать* [Там же, с. 360]. Затем следует ритуал богомолья: однодворка (деревенская хранительница ритуалов и обрядов) сажает невесту с женихом под икону и происходит общая молитва. В-третьих, русская свадьба славилась стройной песенностью и музыкальностью. Однодворка же «высоко и резко запела», тем самым она внесла мотив диссонанса на звуковом уровне. Мотив подмены, несоответствия происходящего традиционному обряду развивается и на зрительном уровне: глядя на «землистое» лицо Дениски, Однодворка поет песню о молодце, который был *Пригож, бел-белешенек* [Там же, с. 361] (ср.: [10, с. 143]).

Далее следует в повести описание девичника, одного из важнейших элементов свадебного обряда. Он восходит к древнему обряду инициации, при котором девушка сначала якобы умирает, а затем возрождается в новом статусе. В «Деревне» в роли невесты выступает вдова, поэтому девичник здесь «лишен своего сакрального значения» [10, с. 143]. Но участники обряда все же пытаются соблюдать традиции, приукрасив дом (*Маленькое зеленое деревцо, убранное кумачными лоскутами, стояло на столе, простирая ветки над тусклой жестяной лампочкой* [1, с. 384]) и позвав молодых девиц: *Вокруг стола, под мокрыми, оттаявшими окошечками, у черных сырых стен, сидели наряженные игрицы, грубо нарумяненные и набеленные, с блестящими глазами, все в шелковых и шерстяных платочках, с радужными вьющимися перьями из хвоста селезня, заткнутыми на висках в волосы* [Там же, с. 384]. Важно, что в роли подружек невесты выступают деревенские девушки, которые никогда не дружили с Молодой и пришли на свадьбу лишь по просьбе жениха. Они исполняют песни, предназначенные для девушки, впервые вступающей в брак, притом, что невеста уже была замужем и осталась вдовой. Э.В. Померанцева отмечает, что Бунин описывает здесь обряд, которым провожают в новую семью девушку, а не вдову. И это, по нашему мнению, соответствует идейно-художественному замыслу писателя. Обряд, предназначенный для невесты-девушки, торжественный, немного похожий на похоронный, когда в грустных песнях предсказывается трагедия ее будущей судьбы, нужен был Бунину для того, чтобы подчеркнуть трагичность судьбы невесты-вдовы.

У Бунина сходство свадебного обряда с похоронным сознательно акцентируется. Даже величальная песня «У голубя, у сизова золотая голова», полная милости молодой женой, звучит в повести зловеще: *горластая жена Ваньки Красного стояла в передних санях, плясала как шаман, махала платочком и орала на ветер, в буйную темную муть, в снег, летевший ей в губы и заглушавший ее волчий голос* [1, с. 388]. М.Ю. Фиш считает, что здесь перед нами ведьма, которая, согласно народному поверью, с помощью скрученного пояса могла весь свадебный поезд обратить в волков [10, с. 144]. Добавим, что вряд ли случайно на этой свадьбе присутствует еще одна гостья, наделенная признаками ведьмы. По народным поверьям, свадьба для ведьмы являлась самым активным временем ее деятельности, когда она могла сглазить новобрачных и навести на них различные беды [5, с. 239].

Неотъемлемой частью данного этапа свадьбы был плач невесты, который служил ответом на старинную величальную песню игриц: «Традиция слезного причитания с древней поры поддерживалась обычаем посредством нарочитого выражения горя ставить себя вне опасных действий воображаемых покровителей семьи – таинственных сил судьбы» [4, с. 82]. В повести Бунина невеста не соблюдает этот обычай, что показывает ее безразличие и покорность судьбе: *Домашка, хромая девка с темным, злым и умным лицом, с черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затянула грубым и сильным голосом старинную величальную песню: «Как у нас при вечеру-вечеру, // При последнем конце вечера, // При Авдотьином девишнику...» Девки дружным и нестройным хором подхватили ее последние слова – и все обернулись к невесте: она сидела, по обычаю, возле печки, неубранная, с головой накрытая темной шалью, и должна была ответить песне громким плачем и причитаниями: «Родной мой батюшка, родимая матушка, как мне век вековать, замужем горе горевать?» Но невеста молчала. И девки, кончив песню, недовольно покосились на нее. Потом пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запели «сиротскую»* [1, с. 384–385]. «Описание этой части обряда говорит нам о том, что перед нами не свадьба, а “антисвадьба”, в которой обнаруживается связь с миром демоническим (не случайно и в центре событий оказывается именно Домашка, имеющая внешнее сходство с ведьмой)», – справедливо замечает М.Ю. Фиш [10, с. 144].

Кульминационным моментом свадьбы является обряд венчания. Он тоже носит в повести лишь формальный характер: священник говорил, *совершенно не думая ни о словах, ни о тех, к кому они относились* [1, с. 387]. Возвращение из церкви окрашивается в демонические тона: *Вьюга в сумерках была еще страшнее. И домой гнали лошадей особенно шибко* [Там же, с. 388]. С вьюгой связаны народные представления о свадьбе нечистой силы, отраженные в пушкинских «Бесах»: *домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают*. Стоит отметить и такую деталь, как *темные фигуры*, которые видят и Молодая, и Кузьма: *Она так ослабела от слез, что как во сне видела темные фигуры среди вьюги», «с трудом различал Кузьма темные, туманные фигуры мужиков* [Там же, с. 368]. Именно те герои, которые страдают на этой свадьбе и не принимают ее, замечают темное, демоническое ее начало. Слова *темное, темные* встречается в этой части повести пять раз.

М.К. Азадовский полагал, что отхождения Бунина о традиционного русского обряда являются ошибкой писателя: «И в данном случае не простая ошибка, но глубокое непонимание сущности обряда, ибо все его образы и отдельные элементы тогда только имеют смысл, когда они относятся к девушке, когда раскрывается драма прощания с девичеством и символизируется утрата его» [3, с. 136]. На наш взгляд, расхождения бунинской картины свадьбы с народным обрядом выполняют в повести важнейшую идейно-художественную функцию. Они призваны подчеркнуть не только трагичность судеб героев повести, но и резкий перелом народной жизни в послереволюционную эпоху первого десятилетия XX в.

Литература

1. Бунин И.А. Деревня // Полное собрание сочинений в 13 т. Стихотворения (1912–1952); Повести, рассказы (1902–1910). М.: Воскресенье, 2006. Т. 2. С. 279–388.
2. Бунин. И.А. Полное собрание сочинений. В 13 томах : Письма И. А. Бунина и В.В. Пашенко (1890–1895 гг.), Письма И.А. Бунина (1885–1900 гг.), Переписка И.А. с А.М. Горьким (1899–1917 гг.). М. : Воскресенье, 2006. Т. 11.
3. Азадовский М. К. Фольклоризм Бунина // Русская литература, 2010. №4. С. 126–148.
4. Аникин В.П. Календарная и свадебная поэзия. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.
5. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. В 4 ч. // Сост. и отв. редактор О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014.
6. Крутикова Л. В. «Ах, эта самая Русь...» // Бунин И. А. Деревня: повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1981. С. 3–17.
7. Молчанова М. Г. Символизм в повести И. А. Бунина «Деревня» // Молодой ученый, 2014. № 2. С. 953–956.
8. Померанцева Э. В. Фольклор в прозе Бунина // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 139–152.
9. Смирнова Л. А. И. А. Бунин: Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1991.
10. Фиш М. Ю. Свадебный обряд в повести И. Бунина «Деревня» // Вестник ВГУ, 2006. № 2. С. 142–145.

MORDVINKINA E.A.

Volgograd State Social-Pedagogical University

THE WEDDING CEREMONY IN THE NOVEL I. A. BUNIN'S «VILLAGE»

Analyzes the artistic features of Russian image of the wedding ceremony in the novel I. A. Bunin's «The Village». Particular attention is paid to its comparison with traditional folklore wedding ceremony, identifying similarities and differences.

Key words: *I. A. Bunin, folklore, ritual, a wedding ceremony.*